

К. ВОННЕГУТ

---

*БАЛАГАН, ИЛИ КОНЕЦ
ОДИНОЧЕСТВУ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
В73

Серия «Эксклюзивная классика»

Kurt Vonnegut
SLAPSTICK

Перевод с английского *М. Ковалевой*
Серийное оформление и компьютерный дизайн *Е. Ферез*
Художник *Е. Адамов*

Печатается с разрешения издательства Dial Press,
an imprint of The Random House Publishing Group,
a division of Random House, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Воннегут, Курт.

В73 Балаган, или Конец одиночеству : [роман] / Курт Воннегут; [пер. с англ. М. Н. Ковалевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-100275-6

Шедевр американской интеллектуальной прозы XX века.

Один из лучших романов Курта Воннегута, написанный в его уникальном стиле, в котором социальная и политическая сатира, антиутопическая фантастика и почти психоделическая фантазмагория ткнут единую причудливую ткань текста.

Кого только не встретишь в этом балагане!

Обезьяноподобные неандертальцы создают «технологию по уничтожению чувства одиночества», рациональные китайцы уменьшили себя до микроскопических размеров и отправились колонизировать Марс, американцы уверовали в Похищенного Иисуса, которым может оказаться первый встречный, а сила гравитации постоянно меняется, то придавливая все живое к земле, то даруя удивительную легкость.

Впрочем, изменчивость всего сущего — неизменное свойство литературных миров, созданных фантазией Воннегута. Как неизменно и преклонение читателей перед его талантом.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Kurt Vonnegut, Jr., 1976, 2004

© Перевод. М. Ковалева, 2016

© Издание на русском языке AST
Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-100275-6

*Памяти Артура Стенли Джефферсона
и Норвелла Харди,
двух ангелов моего детства*

...назови меня любовью —
вновь меня окрестишь...*

ПРОЛОГ

Пожалуй, ничего более похожего на автобиографию я никогда не напишу. Я назвал эту вещь «Балаган», потому что в ней полно грубых трюков и нелепых положений, не лишенных поэтичности — вроде кинофарсов, снятых на заре кинематографа, особенно про Лоурела и Харди.

Во всяком случае, так *мне* кажется.

Например, тут встретятся разные тесты для проверки моих ограниченных умственных способностей. И нет им конца.

По-моему, самое смешное в историях Лоурела и Харди вот что: они каждый раз из кожи вон лезли, только бы выдержать экзамен.

Они всегда вступали в честную схватку с судьбой — и именно поэтому были такие уморительные, что мы в них души не чаяли.

---

* «Ромео и Джульетта», акт 2, сцена 2 (пер. Т. Щепкиной-Куперник).

* * *

В их фильмах почти совсем ничего нет про любовь. Нет, про разные комические случаи с женитьбой я не говорю, это совсем другое дело. Это были просто очередные тесты — и можно было вдоволь нахохотаться, при условии, что вы все это принимаете за чистую монету.

О любви же речи не было. Может, именно потому, что я все свое детство во время Великой депрессии был помешан на Лоуреле и Харди и думал, что это и есть настоящая жизнь, у меня теперь получается рассказ о жизни, в котором ни слова нет про любовь.

Мне казалось, что это вовсе не главное.

А что же главное в жизни? Вступать в честную схватку с судьбой.

Мне случалось в жизни пережить что-то похожее на любовь — по крайней мере, так я считал, хотя то, что у меня было, скорее всего можно назвать просто «человеческими отношениями». Я хорошо относился к кому-то — иногда недолго, иногда очень и очень долго, и тот человек тоже ко мне хорошо относился. Любовь тут была ни при чем.

Заметьте: я не понимаю, какая разница между любовью к людям и любовью к собакам.

Еще мальчишкой, когда я не торчал в кино на комедийных фильмах или не слушал комиков по радио, я часами мог возиться, кататься

по коврам с нашими собаками, которые любят тебя таким, какой ты есть.

Я до сих пор могу без конца играть с собаками. И они первые устают, смущаются и не знают куда деваться — а мне хоть бы что. Я мог бы возиться с ними до бесконечности.

Хэй-хо.

Как-то раз один из моих приемных сыновей, который собирался отправиться на Амазонку, в джунгли, с экспедицией Корпуса Мира, сказал мне: «Знаешь — ты никогда в жизни меня не обнимал». Ему в тот день исполнился двадцать один.

Конечно, я его обнял, прижал к себе. Мы с ним обнялись. Это оказалось так здорово. Словно катаешься по коврику с громадным датским догом, который был у нас тогда, в детстве.

Любовь всегда приходит сама. По-моему, глупо скитаться в поисках любви, и, скажу вам, она часто бывает хуже всякой отравы.

Мне бы очень хотелось, чтобы люди, которым положено любить друг друга, могли бы сказать друг другу в разгар ссоры: «Пожалуйста, люби меня поменьше, только относись ко мне по-человечески».

Такие вот хорошие, человеческие отношения тянулись для меня многие годы, естествен-

но, с моим старшим и единственным братом, Бернардом — он ученый, занимается изучением атмосферы в Государственном институте штата Нью-Йорк, в Олбени.

Он овдовел и теперь воспитывает двух своих мальчишек без посторонней помощи. И отлично с этим справляется. У него есть еще трое взрослых сыновей.

У нас с ним абсолютно разные умственные способности. Бернарду никогда не стать писателем. Мне никогда не быть ученым. А так как нам приходится зарабатывать на хлеб насущный именно при помощи наших умственных способностей, мы привыкли относиться к ним как к своего рода приборам или орудиям — ничего общего не имеющим с нашей личностью, с тем главным, что внутри нас.

Мы с ним обнимались раза три или четыре за всю жизнь — должно быть, в день рождения, — неловко, неумело. Мы ни разу не обняли друг друга, когда нас настигало горе, когда нам было худо.

Но по крайней мере те умственные способности, которые нам достались при рождении, позволяют нам одинаково любить одни и те же шутки — в духе Марка Твена, в духе Лоурела и Харди.

И мы с ним оба страшные путаники.

Вот вам анекдот про моего братца, который,

с небольшими поправками, можно рассказать и обо мне.

Бернард работал в научной лаборатории концерна «Дженерал Электрик», в Скенектеди, штат Нью-Йорк. Пока он там работал, он сделал открытие: йодистое серебро может вызывать осадки в виде дождя или снега из облаков определенного типа. Лаборатория у него, однако, была в таком чудовищном беспорядке, что неловкий посетитель мог встретить смерть в тысяче разных обличей — смотря по тому, где его угораздит споткнуться.

Служивший в компании инспектор по технике безопасности едва не хлопнулся в обморок, увидев эти джунгли, полные настороженных ловушек, капканов и мышеловок, готовых сработать от малейшего движения. Он наорал на моего брата.

А мой брат сказал ему, постучав кончиками пальцев по своему лбу:

— Если вам эта лаборатория не по вкусу, что бы вы сказали, заглянув *вот сюда!*

И так далее.

Я как-то сказал брату, что стоит мне только заняться какой-нибудь работой по дому, как я теряю все свои инструменты.

— Да ты счастливчик, — сказал он. — Я всегда теряю то, над чем работаю.

Мы от души посмеялись.

Но именно потому, что нам достались раз-

ные врожденные способности, и несмотря на то что мы такие путаники, мы с Бернардом принадлежим к двум огромным искусственным семьям, а это значит, что мы можем найти родню в любой точке земного шара.

Он — брат ученых всего мира. Я — брат писателей всего мира.

Это очень весело и утешительно для нас обоих. Это очень приятно.

Нам здорово повезло, потому что человеку нужно иметь как можно больше родственников — ведь тогда даже не обязательно любить друг друга, а всего лишь хорошо, по-человечески друг к другу относиться.

Когда мы росли в Индианаполисе, штат Индиана, нам казалось, что у нас всегда будет куча самых настоящих, подлинных родственников. И родители, и деды наши выросли среди настоящего многолюдства — у них были толпы братьев, сестер, кузенов, теток, дядьев. Да, и притом вся их родня состояла из людей культурных, воспитанных, процветающих и отлично владевших немецким и английским языками.

И все они, кстати, скептически относились к религии.

В юные годы многим из них довелось побродить по миру, пережить удивительные приключения. Но рано или поздно каждому из них

приходила весть: пора возвращаться домой, в Индианаполис, и устраиваться на своем месте. И они безропотно подчинялись — потому что там у них было великое множество родственников.

Само собой, там их ждало и солидное наследство — то или иное семейное дело, обжитые дома и верные слуги, громоздящиеся все выше горы фарфора, и хрусталя, и столового серебра, установившиеся репутации честных партнеров, коттеджи на озере Максинкукки — там на восточном берегу моя родня когда-то владела целой деревней из дачных домиков.

Но благостное самодовольство, которым наслаждалась семья, потерпело непоправимый урон, как я понимаю, от внезапно вспыхнувшей в американских сердцах ненависти ко всему немецкому, которая проявилась как раз тогда, когда Америка вступила в Первую мировую войну, и было это за пять лет до моего рождения.

Детей в нашей семье перестали учить немецкому. Им больше не разрешали увлекаться немецкой музыкой, литературой, искусством или наукой. Мой брат и мы с сестрой выросли в полной уверенности, что Германия для нас чужая сторона — все равно что Парагвай.

Нас отлучили от Европы, и мы знали о ней только то, что проходили в школе.

В кратчайшее время мы растеряли тысячи лет — а следом и тысячи американских долларов, и дачные домики, и все прочее.

И наша семья потеряла всякий интерес — к самой себе.

Так и вышло, что, когда миновала Великая депрессия и Вторая мировая война, моему брату, и сестре, и мне самому ничего не стоило разъехаться из Индианаполиса.

И никто из оставшихся там родственников не мог придумать повод, который заставил бы нас вернуться домой.

Нам было больше некуда возвращаться. Мы стали стандартными деталями Американской машины.

Да и наш Индианаполис, который когда-то говорил на своем, особенном английском языке, который хранил местные шутки и предания, помнил своих поэтов, злодеев и героев, строил картинные галереи для своих, местных художников, — он тоже стал стандартной, легко заменяемой деталью Американской машины.

Теперь он стал просто городком без особых примет, где обитали автомобили, при своем симфоническом оркестре и прочем. Был там и ипподром.

Хэй-хо.

Конечно, нам с братом приходится время от времени приезжать туда — на похороны. Про-

шлым летом, в июле, мы ездили хоронить нашего дядю Алекса Воннегута, младшего брата покойного отца — это был едва ли не самый последний из наших старорежимных родичей, из тех американских патриотов с душами европейской закваски, что родились здесь и не боялись Бога.

Ему было восемьдесят семь. Детей он не оставил. Он окончил Гарвардский университет. Он был на пенсии, а раньше служил агентом по страхованию жизни. И он был одним из основателей индианаполисской Ассоциации Анонимных Алкоголиков.

В некрологе, напечатанном в «Индианаполисской Звезде», говорилось, что сам он алкоголиком не был.

В этом утверждении было что-то от стародевического, старомодного ханжества, я думаю. Насколько мне известно, он себе не отказывал в выпивке, хотя это никогда не отражалось всерьез на его работе, да и в буйство он не впадал. Но однажды он бросил пить — как отрезал. Но на собраниях А.А.А. он, безусловно, был обязан представиться, назвать свое имя и затем заявить во всеуслышание: «Я — алкоголик».

Так вот, газета заявила о его полной непричастности к алкоголю со столь благонамеренным жеманством по той причине, что в старину было принято оберегать доброе имя родных,

носящих ту же фамилию, от неблагоприятных подозрений.

Всем нам было бы куда труднее найти себе в Индианаполисе хорошую «партию» или поступить на хорошую работу, если бы стало известно, что у нас были родственники, которые раньше предавались пьянству, или как моя мать или мой сын, которые хотя бы временно страдали помешательством.

В секрете держали даже то, что моя бабка со стороны отца умерла от рака.

Представляете себе?

Как бы то ни было, если мой дядя Алекс, атеист, после своей смерти предстал перед святым Петром у райских врат, я нисколько не сомневаюсь, что он представился так:

— Меня зовут Алекс Воннегут. Я — алкоголик.

Молодец, старина!

Позволю себе высказать и другое предположение: одного страха спиться с кругом было маловато, чтобы загнать его в Ассоциацию А.А. — всему виной было одиночество. Когда его родичи повымерли, поразъехались или просто превратились в безликие винтики Американской машины, он бросился на поиски новых братьев, сестер, племянников и племянниц, дядюшек и тетюшек и прочей родни — и обрел их в А.А.А.

Когда я был мальчишкой, дядя всегда советовал мне, что читать, и обязательно проверял, прочел ли я эту книгу. И он любил таскать меня в гости к родственникам, о существовании которых я даже не подозревал.

Как-то он мне рассказал, что был американским шпионом в Балтиморе в Первую мировую и старался там сойтись поближе с американцами немецкого происхождения. У него было задание: обнаружить вражеских агентов. Ничего он не обнаружил, потому что обнаруживать было нечего.

Еще он мне рассказывал, как он расследовал финансовые злоупотребления и взятки в Нью-Йорке — до тех пор, пока родители не вызвали его домой, чтобы он устроился в родных местах. Он раскопал скандальную историю о громадных расходах на содержание Мемориала генерала Гранта, а могилка-то ни в каком содержании вообще не нуждалась.

Хэй-хо.

О его смерти я узнал, сняв трубку белого кнопочного телефона в своем доме — он находится в той части Манхэттена, которую прозвали «Черепаший залив». Рядом стоял филодендрон.

Я до сих пор не соображу, как это я туда попал. Ни одной черепахи там нет. И залива нет.